

СТРАБОН, М.И. РОСТОВЦЕВ И КРЫМСКОЕ ПРИАЗОВЬЕ

© 2020 г. А.А. Масленников

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: iscander48@mail.ru

Поступила в редакцию 11.03.2020 г.

В статье, исходя из современного состояния археологических источников и исследований антиковедов, рассматриваются варианты исторических реконструкций этнодемографической ситуации в районе Крымского Приазовья, которую кратко охарактеризовал в своем труде географ Страбон. Источниковедческий разбор сведений этого автора о Северном Причерноморье и Боспорском царстве был в свое время блестяще сделан М.И. Ростовцевым. Теперь проявилась возможность конкретизировать и датировать эту информацию Страбона, выбрав один из четырех хронологических срезов, наиболее соответствующих историческим реалиям: рубеж первой–второй трети III в. до н.э.; середина последней четверти II в. до н.э.; 63 г. до н.э. и 14–13 гг. до н.э.

Ключевые слова: “География” Страбона, М.И. Ростовцев, Крымское Приазовье в III–I вв. до н.э., сельские поселения, хронология, история.

DOI: 10.31857/S086960630008954-8

Ни “География” Страбона, ни работы М.И. Ростовцева почти не упоминают Крымское Приазовье. В результате археологи-профессионалы долго обходили вниманием его античные древности, однако к настоящему времени это один из наиболее исследованных регионов Северного Причерноморья. М.И. Ростовцев провидчески писал об этой части Восточного Крыма: “Большой интерес представляют некрополи мелких поселений, основанных Пантикапеем к югу и северу от города на берегу пролива и Азовского моря” (Ростовцев, 1925. С. 254, 255). Его труды важны нам в источниковедческом плане, для анализа соответствующих мест текста Страбона, а именно известной выдержки из седьмой книги: “...если же плыть налево вдоль берега до Танаиса, где расположен перешеек, то расстояние будет больше, чем в три раза; все это побережье на европейской стороне пустынно, но берег на правой стороне не безлюден” (Strabo VII. 4, 5; перевод Г.А. Стратановского; в переводе В.В. Латышева: “...если плыть до Танаиса по левой стороне Меотиды; на этом пути вдоль берега находится и перешеек. Весь этот берег, мимо которого приходится плыть, со стороны Европы пустынен, а с правой стороны не безлюден”). Страбон почти наверняка описал здесь маршрут некоего не дошедшего до нас перипла Меотийского озера. Упомянутый же “перешеек”, скорее всего, не район к востоку от Феодосии

(Ак-Монайский перешеек), а тот, что указан у Страбона в начале главы о Крыме (4. 1.) – современный Перекоп.

Данная характеристика Крымского Приазовья долгое время отбивала у полевых исследователей интерес к местным древностям – зачем искать, если прямо сказано, что ничего нет? Но уже после первых разведок и раскопок И.Т. Кругликовой (которую некоторые старшие коллеги убеждали в бесперспективности подобных работ; см.: Масленников, 2010. С. 232, 233) стало ясно, что для античной археологии Крымское Приазовье вовсе не безынтересно (Кругликова, 1958. С. 220, сл.). Теперь, когда практически все здешние античные памятники выявлены, а нередко и раскопаны, уместно вернуться к краткому и, в свете только что сказанного, противоречивому описанию Страбона, предварив анализ несколькими замечаниями.

Не следует думать, что описанная ситуация была такой всегда или, по крайней мере, долгое время. Контекст свидетельствует, что “безлюдье” является следствием общего упадка и опустошения Таврического полуострова в результате непрерывных войн: “...вся эта область опустошена постоянными войнами” (Strabo VII. 4, 5). Недаром Страбон тут же (и чуть раньше – 4, 4) пишет о плодородии местных земель, особенно на пространстве от Феодосии до Пантикапея, и о наличии

здесь селений. Изложение Страбона выглядит как информация, почти современная ему. Но насколько это соответствует археологическим реалиям? А если отвечает им, то для какого именно времени? И, наконец: из текста Страбона напрямую не следует, что речь идет только о Крымском побережье; он, скорее, подразумевал все европейское побережье Меотиды до Танаиса. Но крымский берег, безусловно, часть этого пространства, и соответствующая характеристика относилась и к нему.

Итак, это побережье Азовского моря, то есть наиболее изменчивая часть суши. Согласно общепринятым данным, оно появилось совсем недавно, то есть на памяти населения, обитавшего в этом районе, по крайней мере, на заре эпохи бронзы (История Крыма. Т. I. 2018. С. 29–31; 43–56). Не исключено, что эта “доисторическая память” каким-то образом дожила до древнегреческих географов, смутно упоминавших о русле реки Танаис или его дельте на месте Боспора Киммерийского, нынешнего Керченского пролива. Считается, что современный уровень Меотиды (Азовского моря) примерно на 2 м выше, чем 1500–2500 лет назад, хотя и тогда он не был постоянным. В интересующую нас эпоху оно представляло собой обширное мелководье, “болото”, что, собственно, и фиксировали некоторые античные авторы. Немаловажен при этом характер и скорость береговой абразии. При всех известных и неизвестных “вводных” состоянии разных участков побережья Крымского Приазовья можно определить либо как относительно устойчивое, либо просто неустойчивое (Клюкин, 1998. С. 111–116; Зенкович, 1958. С. 163–177). Надо думать, древнегреческие, и в первую очередь боспорские, мореплаватели, а также военные, купцы и поселенцы были хорошо осведомлены об этих и других, в том числе погодных природных особенностях и учитывали их при основании прибрежных (что для них было более естественно) поселений, а также выборе времени и маршрутов навигации. (О природных условиях Крымского Приазовья см.: Клюкин, Корженевский, 2004. С. 9–40).

Это в полной мере подтверждается конкретикой современной археологической карты данного региона (Масленников, 2007. С. 181–218). Важно подчеркнуть, что “белых пятен” здесь почти не осталось, а история и хронология памятников изучены весьма основательно и включают в себя периоды как расцвета и

благополучия, так и относительного запустения, даже безлюдья. Сведения о тех и других могли попасть к разного рода информаторам, а через них — в письменные источники, прежде всего периплы, отражавшие местные географические и демографо-экономические реалии (но, как известно, не всегда им одновременные).

Остается определить, с каким именно негативным этапом местной истории (а может быть, и событием) связан рассматриваемый пассаж “Географии”. Но вначале скажем кратко о проблеме источников именно для этой части данного труда. Сошлемся лишь на наиболее распространенные и общепринятые точки зрения, и прежде всего на М.И. Ростовцева.

Известно, что Страбон (63 г. до н.э. — 24/25 гг. н.э.) в своей компилятивной работе использовал труды около 150 только названных им разновременных авторов (Арский, 1974. С. 50). Важно, что он был достаточно критически настроен по отношению к предшествовавшей традиции как источнику (Strabo XI, 5. 3): “...наша склонность верить больше древним сказаниям, чем современным, еще более усиливает упомянутую странность” (пер. Г.А. Стратановского); или “...своеобразность сказаний увеличивается тем, что древним сказаниям верят больше, чем нынешним” (пер. В.В. Латышева). Иными словами, он отдавал приоритет свежей информации, если таковая имела.

Круг источников Страбона в отношении Северного Причерноморья, и в частности Боспора, не столь широк, но все же значителен. Еще М.И. Ростовцев отмечал: в описании отдельных регионов для изложения привлекаемых материалов используется единая последовательность (Ростовцев, 1913–1914. С. 368). Еще важнее его методическое замечание: “...важно для каждого данного случая пользоваться материалом, даваемым Страбоном, зная, к какому веку (от IV до I до н.э.) он относится” (Ростовцев, 1913–1914. С. 366) и “Страбоном нельзя пользоваться механически” (Ростовцев, 1925. С. 41, 42).

Общая характеристика источников Страбона по Боспору дана в монографии “Скифия и Боспор” (Ростовцев, 1925. С. 34–41): это Эфор, Эратосфен, Деметрий из Каллатиса, Артемидор Эфесский, Аполлотор, Псевдо-Скимн, Посидоний из Апамеи. За исключением первых трех, время деятельности остальных приходится на вторую половину II и I в. до н.э.

Описания побережья Таврии (и не только), согласно М.И. Ростовцеву, взяты Страбоном в основном у Артемидора Эфесского, перипл которого был написан в самом конце II в. до н.э. (Ростовцев, 1913–1914. С. 375, 376; 1925. С. 36–38; Грацианская, 1986. С. 63, 64), а сведения этнографического плана – у Посидония и Аполлодора (Ростовцев, 1925. С. 36–38). А вот все более поздние и даже одновременные ему исторические вставки, справки, excursus и т.п. заимствованы у историков эпохи Митридата Евпатора, кого-то из родственников Страбона и, более всего, у Гипсикрата из Амиса (Ростовцев, 1913–1914. С. 379, 380; Смолин, 1929. С. 67–70). Принято считать, что в основном Страбон завершил свой труд около 7 г. до н.э., но отдельные событийные вставки делал вплоть до начала 20-х годов (Грацианская, 1986. С. 14, 33). Самая поздняя информация относительно Боспора (о гибели царя Полемона I) относится ко времени около 8 г. до н.э. (Strabo XI. 2, 11; XII. 3. 29; Сапрыкин, 2002. С. 143).

Итак, в хронологическом отношении источники (а значит, и рамки нашего исследования) могут простираться от Эратосфена (первая четверть III в. – ок. 200 г. до н.э.) до анонимного информатора эпохи Августа, то есть почти на три столетия. Можно удревить их до середины V в. до н.э. и даже ранее (когда действительно, судя по данным археологии, Крымское Приазовье было пустынным). Но, как только что было отмечено, общий контекст изложения у Страбона предполагает тут реалии событий, близкие к моменту завершения его труда. Достаточно вспомнить наречие *νεωστῖον* (недавно, только что), употребленное в его рассказе (Strabo XI. 2, 3) о разгроме Полемоном Танаиса “за неповиновение” незадолго до гибели царя в 8 г. до н.э. (Шелов, 1970. С. 234, 235; Сапрыкин, 2002. С. 129).

С учетом только что сказанного, обратимся к археологическим материалам и наблюдениям. Повторим: интересующая нас характеристика Приазовья гипотетически могла быть основана на впечатлениях неведомых мореходов еще VII–V вв. до н.э., проплывавших вдоль этих берегов к торжищам где-то в районе устья Дона или современного Таганрога. Но гораздо правомернее ограничить наши поиски III–I вв. до н.э.

Подчеркнем, что временных коротких периодов в местной истории можно выделить не менее четырех. Причем скажем сразу, что

мы отдаем предпочтение второму из них. Первый же и, как нам кажется, наиболее очевидный в археологическом плане период запустения приходится на рубеж первой–второй четвертей или даже на конец первой трети III в. Это время, о котором уже давно пишут как о первом из известных системных общих северо-причерноморских кризисов. В Крымском Приазовье он выражен в быстром, в основном бесконфликтном, оставлении обитателями больших и малых поселенческих структур так называемой царской хоры (Казантип-Западный, Генеральское-Западное, Бакланья скала, Чокракский мыс, Пустынный берег I, II и III) (Масленников, 2010). Этот список следует расширить за счет местных долговременных поселений, жизнь на которых ненадолго прервалась или сильно сократилась, впоследствии возродившись (Салачик, мыс Зюк – Зенонов Херсонес, мыс Варзовка – возможно, Парфений) (Масленников, 1992. С. 120–145; 2010. С. 129–134; Зинько, 1994. С. 124–129; Абрамзон, 2011. С. 13).

Что касается абсолютной датировки этого “запустения”, то, несмотря на обилие массового археологического материала (в том числе наиболее приемлемого с точки зрения установления хронологии), цельной картины пока нет. Правда, безвременно ушедший Н.Ф. Федосеев, признанный специалист в области керамической эпиграфики, в одной из последних работ очертил границы искомого периода – 288–278 гг. до н.э. (Федосеев, 2017. С. 175). Но это было сделано на материалах городища Полянка I (ранняя), принадлежавшего уже последующей эпохе (III–II вв. до н.э.). Датировки по чернолаковой посуде, как известно, крайне редко сужаются менее чем до четверти века. Наши материалы уверенно демонстрируют завершающую серию местного импорта этой керамики с общей датой 275–250 гг. до н.э. (Масленников, 2012. С. 165–199). Монеты – весьма относительный репер для построения хронологии, за исключением (с оговорками) кладов. Таковой имеется. Это клад, найденный, видимо, на известном памятнике Генеральское-Западное (1999 г.). Он датируется 300–275 гг. до н.э. (Зинько, Куликов, 2002. С. 399 и сл.; Абрамзон, Фролова, 2008. С. 129–132). Не исключено, что именно к этому времени и следует относить начало краткого периода запустения побережья.

Впрочем, из района с. Золотое (?) происходит большой клад медных монет самого

начала третьей четверти III в. до н.э. (Абрамзон, 2011. С. 16–54). А давнишний клад из окрестностей села Осовины (античный Парфений?), наоборот, датируется концом IV в. до н.э. Оба они, а также клад IV–I вв. до н.э. с поселения Чокракский мыс (Абрамзон, 2011. С. 59–94) возникли при иных обстоятельствах и в иное время.

Напомним, что кризис в полной мере отразился на всей хоре Европейского Боспора и не только. Впервые об этом писала еще И.Т. Кругликова, колебавшаяся в отношении его датировки и причин (Кругликова, 1975. С. 63, 79, 88, 96). Наше мнение приведено выше – конец первой трети III в. до н.э. (Масленников, 1998. С. 58–59, 83–88; 2010. С. 228–229). Кажется, другие специалисты-боспороведы согласны с этим. Не касаясь вопроса о причинах этого кризиса, отметим, что Боспорское государство, видимо, готовилось к каким-то серьезным внешним угрозам на западном направлении. Новейшие масштабные работы на Керченском полуострове не противоречат выдвинутой ранее гипотезе о строительстве здесь примерно в это время системы полевых погранично-оборонительных укреплений (Масленников, 2003. С. 36–116, 210–214; Супренков, 2018; Супренков, Столяренко, Прокопенко, 2018; Супренков, Трехбухина, 2018). Естественно, район Приазовья как наиболее развитый в хозяйственном и демографическом отношении, по которому и рядом с которым по морю проходили важные торговые и иные пути сообщения, должен был прикрываться этими сооружениями. Однако в сохранившейся письменной традиции этот немалый объем работ не отражен. Косвенно о них может свидетельствовать известный финансовый кризис Боспора, начавшийся именно со второй четверти все того же III в. до н.э.

Более точно обосновать хронологические рамки этой историко-демографической лакуны не удастся. Отчасти со временем ее завершения помогают определиться материалы раскопок памятников Приазовья последующей эпохи. Этот этап характеризует появление новых, иных по целому ряду признаков, поселенческих структур (Сююрташ, Крутой берег, Полянка I, возможно, Казантип-Восточный II) при продолжении функционирования двух-трех прежних городищ (Зенонов Херсонес, Парфений). Причем ими практически исчерпывался демографический потенциал всей “дальней” хоры этой части Боспорского

государства в III–II вв. до н.э. (Кругликова, 1975. С. 99–103; Масленников, 1998. С. 89–100; 2007. С. 206–208; 2020. С. 76–89).

Анализ наиболее многочисленных и информативных категорий находок (столовая посуда, амфорные клейма, монеты) показывает, что начало их массового поступления и бытования вновь более или менее четко связано со второй четвертью III в. до н.э. (завоз продуктов, денег и разного рода предметов обихода при близком по времени основании этих населенных пунктов и их заселении сразу значительным числом жителей). Разумеется, “шлейф” несколько более ранних находок при этом неизбежен, и они есть (Масленников, 2020. С. 77–84). Выше уже приведено мнение Н.Ф. Федосеева, но хотелось бы уточнить дату, максимально сузив ее: 276/267 гг.

Возможно, это касается и ряда других городищ Приазовья, также появившихся в эпоху эллинизма (Семеновка, Казантип-Восточный I и II, Золотое, Ново-Отрадное, Салачик). Но время их возникновения, видимо, сдвигается на 25–30 лет к концу того же столетия (Кругликова, 1970. С. 4; 1975. С. 107; 1998. С. 143–146; Ковальчук, 2013. С. 186–187; Федосеев, 2018. С. 149–150; Корпусова, 1983. С. 13; Абрамзон, 2011. С. 19).

Теперь допустим, что некий неведомый нам источник зафиксировал именно этот период запустения и его информация попала в перипл Артемидора Эфесского. Ведь прав был М.И. Ростовцев, подчеркивая, что наибольший объем сведений о Северном Причерноморье, включая Боспор, попадал в центры античной мысли и культуры в периоды их максимального вовлечения в большую средиземноморскую политику (Ростовцев, 1925. С. 1–12). О первой половине III в. до н.э. этого, пожалуй, не скажешь.

Только что говорилось о предполагаемой начальной дате новых поселений и о том, что позднее их перечень пополнился еще несколькими. Явно продолжалась жизнь на мысе Зюк (Зенонов Херсонес) и в вероятном Парфении. Иными словами, на протяжении всего III и большей части II в. до н.э. побережье было заселено довольно густо, хотя наверняка были свои периоды подъемов и спадов. Но затем, по крайней мере, на эталонных (Полянка I, Крутой берег, Сююрташ), а может быть, и всех остальных городищах, жизнь постепенно затухает и прекращается вовсе, опять без видимых следов военных действий и преднамеренных

разрушений. Соответствующий анализ основных категорий датирующего материала (Масленников, 2020. С. 79–86) показывает, что на двух последних это происходит практически одновременно, около середины последней четверти II в. до н.э. На Полянке I (ранней) немного позднее, в начале следующего века. Окончательно прекращает функционировать усадебный комплекс Казантип-Западный (Масленников, 2010. С. 215, 216). Негативные перемены или строительно-планировочные новации примерно того же времени прослеживаются и на других, долговременных, поселениях побережья (Семеновка, Казантип-Восточный II, Ново-Отрадное, мыс Зюк, может быть, Золотое-берег и др.) (Кругликова, 1970. С. 4–9; 1998. С. 146–150; Масленников, 1992. С. 147–150). Жизнь здесь захирела, на короткое время они могли и вовсе опустеть.

Конец II – рубеж II–I вв. до н.э., как хорошо известно из письменных источников, – время начала очередного северо-причерноморского кризиса. О Боспоре Страбон на сей счет высказался предельно ясно. Добавим его многократно цитированное и комментированное сообщение о конном и морском сражениях и победах Неоптолема, полководца Митридата (следовательно, уже после его воцарения на Боспоре, то есть после 107/106 гг. до н.э.), над некими варварами где-то в районе пролива зимой и летом (Strabo VII. 3, 18). Основной для отнесения интересующей нас характеристики побережья именно к обозначенному времени предостаточно. Упомянутые варвары и сражения – важная хронологическая зацепка (Масленников, 1981. С. 70–72). Неоптолем, как полководец Митридата, вряд ли мог оказаться на Боспоре: между 79 и 65 гг. до н.э. здесь правил сын Митридата, Махар. После 88 г. до н.э. началась война с Римом. Между 85 и 83 гг. Митридат подчинял “отпавших” боспорцев. Наконец, Неоптолем и его брат Архелай упомянуты Аппианом в повествовании о первой войне с римлянами (App. Mithr. 17). Позже, после поражений и измены брата, карьера военачальника, видимо, оборвалась. Значит, эти сражения случились между 106 и 89 гг., причем, исходя из предположительно солидного возраста Неоптолема (все-таки уже полководец), – скорее к концу этого отрезка.

Кто же эти варвары? Самоназвания всех, кого знали информаторы Страбона (а он, как уже сказано, предпочитал близких ему по времени), знал и он сам (скифы, тавры,

роксоланы, меоты...). А тут просто “варвары”. Значит, не знали и они. Между тем “безымянные”, оставаясь конными воинами, имели флот. Из всего варварского окружения Боспора во времена Страбона и ранее (см. подробно: Молев, 2017. С. 146–152, 166–172, 173–178) только обитавшие в районе кавказского побережья племена (Strabo XI. 2, 12) регулярно занимались пиратством. Но конницей, способной добраться до центра Боспорского царства и мериться силами с полководцами Митридата, они наверняка не обладали. Уж не те ли самые это варвары – сатархеи, которые упомянуты в известной надписи некоего Посидея, сына Посидея, из Неаполя Скифского (IOSPE, I, 672; из последних изданий и комментариев к этой и другим надписям Посидея см.: Макаров, 2017. С. 62–64) и также одержавшего над ними морскую победу? Где случилась эта битва, откуда происходил сам Посидей и почему отмечился несколькими надписями (все – посвящения эллинским богам!) в столице крымских скифов, вероятно, в правление Скилура (то есть еще до 114/113 гг. до н.э. – года смерти этого царя; см. Зайцев, 2003. С. 61) – неизвестно. Где обитали сатархеи (сатархи) в это время, тоже не ясно, но описания их деяний сходны. Правда, впервые у античных авторов (Mela. II, 3) они упомянуты почти сто пятьдесят лет спустя. Но М.И. Ростовцев допускал, что они появились в Крыму позднее, чем позднейшие из эллинских географов эпохи эллинизма (а следовательно, источников Страбона, например Артемидора), но раньше, чем наступила эпоха римлян (Ростовцев, 1925. С. 47). При Скилуре и какое-то время после него они вполне могли пиратствовать в Приазовье. Впрочем, Посидей вовсе не обязательно был навархом именно у скифского царя.

Так что, сатархи-сатархеи вполне могли если и не разорить наше побережье, то распугать и без того малочисленных обитателей на 10–15 лет. Следует напомнить при этом время прекращения жизни на поселении Полянка I на рубеже веков или в самом начале I в. до н.э., то есть немного позже остальных базовых памятников. И только после побед Неоптолема (где-то перед 89 г. до н.э.) здесь наступило временное успокоение и появилось новое поселение Полянка II, что хорошо фиксируется соответствующими находками. Итак, данный, также недолгий, период запустения относится к самому концу II – первому десятилетию I в. до н.э. Рассматриваемая же

характеристика побережья была взята Страбоном не у Артемидора Эфесского, а у кого-то из историков эпохи Митридата Евпатора, владевшего информацией о раннем этапе его владычества на Боспоре.

Теперь о роли природного фактора. Письменная традиция тут богаче, археологический же материал весьма интересен, хотя и неоднозначен. Прежде всего, напомним об известном землетрясении 63 г. до н.э. В последнее время о нем писали много, и значение этого события оказалось преувеличенным. Историография его открывается простой заметкой В.Д. Блаватского в популярном журнале «Природа» (Блаватский, 1977. С. 56–57), хотя ученый обратил внимание на эту катастрофу еще раньше (1964. С. 129 и 1976. С. 10). Через несколько лет тема пришлась кстати в связи со строительством атомной станции, причем в Крымском Приазовье (Казантип). Прошли первые, в том числе международные, изыскания на местных памятниках археологии, за ними — публикации (главным образом, профессора А.А. Никонова). И строительство АС прекратилось. Затем интерес к древним землетрясениям угас, чтобы недавно пробудиться. Уже вышла серия статей, опять в основном на материалах приазовских античных поселений. Как и следовало ожидать, на каждом открываются (особенно благодаря появлению активного финансирования) следы землетрясения (из последних обобщающих работ по сейсмоактивности Восточного Крыма и Таманского полуострова см.: Винокуров и др., 2015. С. 51–66). С этим трудно спорить. Но вот к хронологии вопросы остаются.

Обратимся к источникам. Оказывается, что имеются лишь два кратких, хорошо известных и не раз комментированных свидетельства Диона Кассия (Dion Cass., XXXVII, II, 4) и Павла Оросия (P. Oros., VI, 5, 6). Оба писали о катастрофических, по крайней мере для Европейского Боспора, разрушениях. Доказано, что этот район в высокой степени сейсмоопасен как в древности, так и в настоящее время. Изредка эти толчки достигают 7–9 баллов и должны бы оставлять следы на памятниках архитектуры, археологии, природы. Но все ли открываемое раскопками следует однозначно трактовать как признаки сильных землетрясений? Вряд ли можно числить среди таковых сокрытие кладов (Винокуров и др., 2015. С. 54–56).

Так ли все очевидно и с землетрясением 63 г.? Сомнения высказали (хотя не во всем убедительно) итальянская исследовательница Эмануэла Гуидобони и ее коллеги в капитальнейшем «Своде древних Средиземноморских землетрясений» (Guidoboni et al., 1994. P. 168). Их вывод об отсутствии связи между этим событием и Боспором (Пантикапеем в частности) основан в первую очередь на том, что оба античных автора жили несколько столетий спустя, а более близкие по времени о нем не упоминают. Страбон (точнее его источники из числа самых поздних и осведомленных о делах на Боспоре в эпоху Митридата и после него) молчит. Хотя вообще о землетрясениях в разных местах Средиземноморья отец географии сообщает очень часто (см., напр.: Блаватский, 1976. С. 8–11). Он собирал эти сведения тщательно (впрочем, и труд самого Страбона не упоминался почти три столетия после его завершения). Точные подробности о конце правления Митридата за столь продолжительное время просто стерлись из традиции, использованной Дионом Кассием и Оросием. Отсюда невнятность и неточность в повествовании первого из них (к этому моменту никакими землями и городами, кроме как на Боспоре, Митридат уже не владел). Повод ли это, как полагают итальянские коллеги, считать, что слова «...землетрясение, сильнейшее из всех когда-либо бывших, разрушило у него многие города...» относились к городам и владениям царя в Малой Азии, а не к Боспору? Вряд ли.

Зато благодаря второму автору мы знаем, что катастрофа случилась осенью: упомянут праздник в честь Цереры, богини урожая и плодородия. Видимо, это был праздник из круга элевсинских мистерий, справлявшийся в конце сентября — начале октября (Скржинская, 2009. С. 79, сл.). Но каким бы сильным, как подчеркивают оба упомянутых автора, ни было землетрясение, дворец Митридата (Акрополь Пантикапея), его слуги, воины и домочадцы, сам город, военные лагеря, порты и гавани, флот и т.п., судя по контексту этих и других источников, катастрофически не пострадали. Зато шок от происшедшего, паника, страх, уверенность в «гневе богов» возбудили общее недовольство (что передано у Диона Кассия вполне реально), сказались на делах Митридата самым отрицательным образом (Сапрыкин, 1997. С. 85–92).

Силу этого землетрясения оба автора оценили похоже, как «...страшное разрушение городов и полей». Но уже В.Д. Блаватский, установив на материалах Пантикапея сам факт природного катаклизма, затем подтвержденный раскопками также и в других боспорских городах по обе стороны пролива, отметил, что этого недостаточно для восприятия его как катастрофы. Что же надо понимать под “разрушением полей”? Оползни на склонах с виноградниками и иными садовыми посадками? Разрушение дорог, межей и оград участков? Ни следы, ни хронологию первых никто не изучал. Что же до обустройства ближней (городской) хоры Европейского Боспора, то наши знания никак не доказывают ее существования вообще (особенно в указанное время). Правда, употребленное Оросием слово *аггогит* не обязательно переводить, как “поля”, не менее правильно и “деревни”, сельские поселения. А это уже ближе к непосредственной теме.

Все специалисты-сейсмологи согласны, что эпицентр большинства местных землетрясений – Южно-Азовский геологический (тектонический) разлом. Не исключение и землетрясение 63 г. до н.э. (силой не менее 9 баллов: Никонов, 2001). Этот же автор прямо писал, что считает именно его причиной отмеченной Страбоном “пустынности” Приазовского региона (Никонов, 2001. С. 243). Он даже предложил локализацию погибших тогда же местных городов, Пирры и Антиссы, в районе оползней у мысов Хрони и Борзовка (дер. Осовины) (С. 242–244), о которых Плиний Старший (Plin. NH. II, 206) упомянул следующим образом: “Понт поглотил города Пирру и Антиссу, лежавшие около Меотиды” (пер. В.В. Латышева).

Итак, следы землетрясения 63 г. до н.э. без труда обнаруживались на всех и особенно отчетливо на “базовых” памятниках Приазовья с относительно несложной стратиграфией и короткой хронологией (Сююрташ, Крутой берег, Полянка II) (Никонов, 2000. С. 53–62; Корженков и др., 2017; Овсяченко и др., 2019). В меньшей степени они однозначны на местных долговременных городищах (мыс Зюк, Золотое-берег, Ново-Отрадное) (Масленников, 1992. С. 150; Овсяченко и др., 2019; Винокуров и др., 2015. С. 56; Кругликова, 1998. С. 149, 150). Но на усадьбе Чокракский мыс, перестроенной на рубеже II–I вв. до н.э. и полностью сожженной и разрушенной почти столетие

спустя (см. ниже), свидетельства 63 г. невяжны (упомянутый выше клад был сокрыт, видимо, ранее рассматриваемой катастрофы; см. Абрамзон, 2011. С. 63). На прочих Приазовских городищах эти изыскания пока не проводились, а памятники в глубине полуострова к нашей теме прямого отношения не имеют.

Далеко не везде (и тем более не все вероятные) следы землетрясений следует отождествлять именно с отраженным в источниках. Это вполне могла быть серия подземных толчков с промежутками в несколько лет. Но главное: археологический контекст *нигде* не рисует землетрясения как очевидную причину гибели и оставления поселения жителями. Кроме, быть может, одного случая, о котором будем говорить ниже. На городищах Сююрташ (и, возможно, Крутой берег) сейсмокатастрофа, соотносимая с 63 г. до н.э., видимо, случилась после их оставления. И напротив, на поселении Полянка II очевидные деформации стен зданий, построенных недавно (лет за 10–15 до указанной даты), и иные признаки соседствуют со следами ремонта, конструктивных поправок, перестроек, перепланировок. Иными словами, жизнь продолжалась до середины – последней четверти I в. до н.э. Так что осенний день 63 г. до н.э. не был для всего Приазовья похожим на “последний день Помпеи”.

Несколько слов в этой связи об упомянутом исключении – поселении Полянка I. Ситуация с ним по-прежнему туманна (Масленников, 2013. С. 232–252). Довольно крупное городище возникло здесь на прибрежном холме очевидно тогда же, что и большинство других, – в эпоху эллинизма, в конце первой трети III в. до н.э. О чем, как и о времени прекращения его жизнедеятельности (см. выше), говорят многочисленные находки в обширном и мощном зольнике, а также остатки пригородного святилища на самой вершине холма (Кузина, Масленников, 2011). Нет только никаких следов самого поселения. По неуверенному мнению геологов, геоморфологов и сейсмологов, оно исчезло вместе с большей частью все того же скалистого холма вследствие некоего локального природного катаклизма, как нам представляется, в конце первой четверти I в. до н.э. Вяжного объяснения причин никто пока не представил. Но ничего подобного рядом или в относительной близости на побережье мы не знаем.

Наконец, о последнем варианте. Уже отмечено, что позднейшие по времени сведения

Страбона о Боспоре — это повествование о правлении и гибели царя Полемона I. События, связанные с этим, были достаточно скоротечны (15/14–9/8 гг. до н.э.) и драматичны. Царь Понта Полемон был направлен Августом на Боспор для смещения некоего Скрибония, захватившего там власть после смерти (?) Асандра. Военную поддержку обеспечивал ближайший сподвижник Августа, Агриппа, прибывший с флотом в Синопу. Перипетии событий многократно рассмотрены и проанализированы (из относительно недавних работ см.: Сапрыкин, 2002. С. 103–143). Полемон (как и Фарнак, и это естественно) начал поход, видимо, с захвата Феодосии, которая имела самый близкий к Синопе порт с большой незамерзающей гаванью. Затем была столица — Пантикапей, брак (не по любви) с Динамией, усмирение Танаиса. Попытка привести к покорности азиатскую часть государства привела к конфликту с аспургианами и смерти у них в плену (Strabo XI, 2, 11; XII, 3, 29). Своих информаторов Страбон здесь не называет, но опять прав М.И. Ростовцев, полагавший, что наиболее вероятным и осведомленным о всем периоде правления Асандра и его ближайших преемников был Гипсикрат. В “Анналах” Агриппы информация о завершающей части этого периода, которой мог бы воспользоваться Страбон, попасть просто не успевала: Агриппа внезапно умер в 14 г. до н.э. (Ростовцев, 1913–1914. С. 376; 1925. С. 45).

Какой дорогой двигался к Пантикапею Полемон, неизвестно. Но результаты многолетних раскопок в Приазовье (и не только) однозначно свидетельствуют, что местные населенные пункты были оставлены без боя, но в явной спешке (Полянка II, сторожевые башни на Узунларском валу), либо разрушены и даже сожжены (упоминавшаяся усадьба на Чокракском мысу) (Масленников, 1995. С. 167–169; 2003. С. 211–213; 2010. С. 14–20; 2018а, б.; 2019; Супренков, 2018). Больше жизнь сюда не возвращалась: Скрибоний, видимо, хотел стянуть к столице хоть какие-то военные силы, сняв даже охрану с Узунларского вала, или просто приказал очистить территорию. Не исключено, что та же участь постигла другие синхронные приазовские поселения, но туда их обитатели (или новое население) вскоре вернулись (Семеновка, Казантип-Восточный I и II; Золотое-берег; вероятно, Генеральское-Восточное; Зенонов Херсонес и многие другие). Может быть, у их жителей был иной статус, меньшая зависимость от центральной власти (в ком бы

та не персонифицировалась). Так или иначе, но короткий период запустения (14–8 гг. до н.э.) побережья вполне вероятен, хотя, повторяем, вряд ли именно он попал в поле зрения неизвестного источника Страбона.

Может создаться впечатление, что автор жалеет несчастных обитателей Крымского Приазовья, не в пример их бесчисленным обидчикам. Между тем дочитаем до конца, объективно и терпеливо, не менее известный пассаж Страбона. Его сведения определены почерпнуты у Гипсикрата из Амиса. Речь идет о стене с башнями, якобы построенной Асандром против крымских варваров-кочевников (Strabo VII, 4, 6), требовавших плату (дань) за пользование их землями. Оставим в стороне явный промах переписчика или невнимание самого Страбона: 10 башен на каждой стадий этой стены, общей длиной около 360 стадий, требует ставить их через каждые 18–20 м. Но совершенно ясно, что для обороны только 3600 башен потребовалось бы не менее 36 000 воинов, а маленький (в то время нищий) Боспор не мог себе этого позволить. Современная археология показывает, в лучшем случае, одну башню на 10 стадий (около 2 км). Здесь Страбон противоречит сам себе (по словам М.И. Ростовцева, “заметны швы”, нестыковки его источников). Только что он писал, что всем Крымским полуостровом владеют правители Боспора (VII, 4, 5), и тут же Асандр отгораживает стеной внутри своих владений (на перешейке, почти по центру Керченского полуострова) от кочевников-варваров территорию, занятую некими “георгами” (скорее всего, тоже варварами, но земледельцами).

Не об обитателях ли Приазовья идет речь? А вот и их характеристика: «Что касается “георгов”, живущих в этой области (внутри вала-стены. — А.М.), то они считаются более мягкими и вместе с тем более цивилизованными, но, тем не менее, будучи стяжателями и занимаясь морским промыслом, они не чуждаются ни разбою, ни других подобного рода несправедливых поступков, диктуемых алчностью» (Strabo VII, 4, 6; пер. Г.А. Стратановского). Перевод этого же пассажа В.В. Латышевым не столь конкретно определяет местоположение “земледельцев”, но чуть более мягок в их характеристике (хотя общий смысл от этого не меняется).

Статья подготовлена по теме № НИОКТР АААА-А18-118011790093

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. 2. Симферополь; Керчь, 2011 (Боспорские исследования. Suppl. 7). 280 с.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. 1. Симферополь; Керчь, 2008 (Боспорские исследования. Suppl. 2). 872 с.
- Арский Ф.Н.* Страбон. М.: Мысль, 1974. 72 с.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.
- Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. М.: Наука, 1976. 78 с.
- Блаватский В.Д.* Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове // Природа. 1977. № 8. С. 56, 57.
- Винокуров Н.И., Корженков А.М., Родкин М.В.* К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. 2015. Т. 42. № 2. С. 51–66.
- Грацианская Л.И.* География Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1986. С. 6–175.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 210 с.
- Зенкович В.П.* Берега Черного и Азовского морей. М.: Географгиз, 1958. 364 с.
- Зинько В.Н.* Охранные археологические исследования в г. Керчи // Археологические исследования в Крыму. 1993. Симферополь: Таврия, 1994. С. 124–129.
- Зинько В.Н., Куликов А.А.* Клад медных боспорских монет III в. до н.э. из Крымского Приазовья // МАИЭТ. Вып. IX. Симферополь: Таврия, 2002. С. 399–428.
- Клюкин А.А.* Абразия берегов Керченского полуострова в XX веке // География и природные ресурсы. 1998. № 1. С. 111–116.
- Клюкин А.А., Корженевский В.В.* Крымское Приазовье. Симферополь: Крымиздат, 2004. 144 с.
- Ковальчук А.В.* Поселение Казантип-восточный 2 (общая характеристика и датировка) // ДБ. Т. 17. М.: ИА РАН, 2013. С. 186–201.
- Корженков А.М., Масленников А.А., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В.* Следы сильных землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовском активном разломе // ДБ. Т. 21. М.: ИА РАН, 2017. С. 264–294.
- Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. Киев: Наук. думка, 1983. 183 с.
- Кругликова И.Т.* Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря // СА. XXVIII. 1958. С. 219–233.
- Кругликова И.Т.* Раскопки поселения у дер. Семеновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М.: Наука, 1970. С. 4–81.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
- Кругликова И.Т.* Поселение у дер. Ново-Отрадное // ДБ. Т. 1. М.: ИА РАН, 1998. С. 143–185.
- Кузина Н.В., Масленников А.А.* Античное святилище на вершине близ поселения “Полянка” // ДБ. Т. 15. М.: ИА РАН, 2011. С. 228–247.
- Макаров И.А.* Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в. н.э.). Симферополь; М.: ИП Зуева Т.В., 2017. С. 56–78.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М.: Наука, 1981. 126 с.
- Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1992. С. 120–173.
- Масленников А.А.* Полемон I на Боспоре // БС. Вып. 6. М.: ИА РАН, 1995. С. 167–170.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены (Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху). М.: Индрик, 1998. 302 с.
- Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.: Гриф, 2003. 280 с.
- Масленников А.А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 18–218.
- Масленников А.А.* Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М.: Гриф, 2010 (ДБ. Suppl. II). 244 с.
- Масленников А.А.* Чернолаковая керамика с поселений “царской” хоры европейского Боспора // Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал / Ред. А.А. Масленников. М.: Гриф, 2012 (ДБ. Suppl. III). С. 165–199.
- Масленников А.А.* О локальной геоморфологии, палеосейсмологии и археологии или по следам древних землетрясений // ДБ. Т. 17. М.: ИА РАН, 2013. С. 232–253.
- Масленников А.А.* Еще одна башня у Узунларского вала // ДБ. Т. 22. М.: ИА РАН, 2018а. С. 141–169.

- Масленников А.А.* Монетные находки из “башен” на постмитридатовской хоре европейского Боспора // КСИА. 20186. Вып. 250. С. 327–335.
- Масленников А.А.* Поздние монеты с поселения Полянка в Восточном Крыму // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 411–416.
- Масленников А.А.* Хора Боспора в III–II вв. до н.э. // РА. 2020. № 1. С. 76–89.
- Молев Е.А.* Боспорские древности (Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2017. 340 с.
- Никонов А.А.* Сейсмический потенциал Крымского региона: сопоставление региональных карт и параметров выявленных событий // Физика Земли. 2000. № 7. С. 53–62.
- Никонов А.А.* О местонахождении и исчезновении античных городов Пирра и Антисса на Боспоре // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 241–246.
- Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Масленников А.А., Викарчук Р.Н., Ларьков А.С., Сысолин А.И.* Следы и хронология сильных землетрясений на мысе Зюк в Восточном Крыму // Физика Земли. 2019. № 4. С. 133–152.
- Ростовцев М.И.* Страбон, как источник для истории Боспора // Сборник статей в честь профессора В.П. Бузескула. Харьков: Печатное дело, 1914 (обл. 1913–1914). (Сборник историко-филологического общества при Харьковском университете; т. 21). С. 366–380.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. М.; Л.: Тип. 1-й Ленинградской Трудовой Артели Печатников, 1925. 621 с.
- Сапрыкин С.Ю.* Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора // ВДИ. 1997. № 3. С. 85–92.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже эр. М.: Наука, 2002. 272 с.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев, 2009. 364 с.
- Смолин В.Ф.* К вопросу об источниках Страбона к Боспорскому царству // ИТОИАЭ. 1929. Т. III. С. 65–71.
- Супренков А.А.* Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек // ДБ. Т. 23. М.: ИА РАН, 2018. С. 230–256.
- Супренков А.А., Столяренко П.Г., Прокопенко С.Н.* Валы Бескровного (Чокракский) и Акмонайский (Республика Крым, Ленинский р-он) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических экспедиций; вып. 25). С. 354–361.
- Супренков А.А., Требухина Н.Ю.* Валы Тиритакский и Узунларский (Аккосов) (Республика Крым) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических экспедиций; вып. 25). С. 380–387.
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. 252 с.
- Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма с поселения “Полянка” в Восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Гл. ред. Ю.П. Зайцев. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 169–249.
- Федосеев Н.Ф.* Еще раз о датировке поселения Казантип-восточный 2 // Таврические студии. № 16. Симферополь, 2018. С. 149–153.
- Guidoboni E., Comastri A., Traina G.* Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to the 10th century. Roma: Istituto nazionale di geofisica, 1994. 505 p.

STRABO, M.I. ROSTOVTSSEV AND THE CRIMEAN AZOV LITTORAL

Aleksandr A. Maslennikov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: iscander48@mail.ru

Based on the current state of archaeological sources and works by antiquity researchers, the article discusses options for historical reconstructions of the ethnic-demographic situation in the Crimean Azov littoral, which the geographer Strabo outlined in his work. Source analysis of this author's information about the Northern Pontic and the Bosporan kingdom was brilliantly made by M.I. Rostovtsev. Now it has become possible to specify and date this information provided by Strabo by choosing one of four chronological slices that are most consistent with historical realities: the turn

of the first to second third of the 3rd century BC; the middle of the last quarter of the 2nd century BC; 63 BC and 14–13 BC.

Keywords: The Geography of Strabo, M.I. Rostovtsev, the Crimean Azov littoral in the 3rd – 1st centuries BC, rural settlements, chronology, history.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Frolova N.A.*, 2008. Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet [Corpus of Bosporan hoards with antique coins], 1. Simferopol'; Kerch'. 872 p. (Bosporskiye issledovaniya. Suppl. 2).
- Abramzon M.G.*, 2011. Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet [Corpus of Bosporan hoards with antique coins], 2. Simferopol'; Kerch'. 280 p. (Bosporskiye issledovaniya. Suppl. 7).
- Arskiy F.N.*, 1974. Strabon [Strabo]. Moscow: Mysl'. 72 p.
- Blavatskiy V.D.*, 1964. Pantikapey. Ocherki istorii stolitsy Bospora [Panticapaeum. Studies on the history of the Bosporan capital]. Moscow: Nauka. 232 p.
- Blavatskiy V.D.*, 1976. Priroda i antichnoye obshchestvo [Nature and antique society]. Moscow: Nauka. 78 p.
- Blavatskiy V.D.*, 1977. Earthquake of 63 BC on the Kerch Peninsula. *Priroda [The journal Priroda (Nature)]*, 8, pp. 56, 57. (In Russ.)
- Fedoseyev N.F.*, 2017. Ceramic stamps from the Polyanka settlement in the Eastern Crimea. *Krym v epokhu ellinizma. Mezhekul'turnyye protsessy po dannym noveyshikh arkhelogicheskikh issledovaniy [The Crimea in the Hellenistic period. Intercultural processes based on the latest archaeological data]*. Yu.P. Zaytsev, ed. Simferopol': Tarpan, pp. 169–249. (In Russ.)
- Fedoseyev N.F.*, 2018. The dating of the Kazantip-Vostochny 2 settlement revisited. *Tavricheskiye studii [Tauric studies]*. № 16. Simferopol', pp. 149–153. (In Russ.)
- Gratsianskaya L.I.*, 1986. The Geography of Strabo. Source study issues. *Drevneyshiye gosudarstva na territorii SSSR [The earliest states on the territory of the USSR]*. V.T. Pashchto, ed. Moscow: Nauka, pp. 6–175. (In Russ.)
- Guidoboni E., Comastri A., Traina G.*, 1994. Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to the 10th century. Roma: Istituto nazionale di geofisica. 505 p.
- Klyukin A.A.*, 1998. Coastal abrasion of the Kerch Peninsula in the 20th century. *Geografiya i prirodnyye resursy [Geography and Natural Resources]*, 1, pp. 111–116. (In Russ.)
- Klyukin A.A., Korzhenevskiy V.V.*, 2004. Krymskoye Priazov'ye [The Crimean area of the Azov littoral]. Simferopol': Krymizdat. 144 p.
- Korpusova V.N.*, 1983. Nekropol' Zolotoye [The necropolis of Zolotoye]. Kiyev: Nauk. dumka. 183 p.
- Korzhenkov A.M., Maslennikov A.A., Ovsyuchenko A.N., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V.*, 2017. Traces of major earthquakes at the Polyanka settlement and the South Azov active fault. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 21. Moscow: IA RAN, pp. 264–294. (In Russ.)
- Koval'chuk A.V.*, 2013. The settlement Kazantip-Vostochny 2 (general characteristics and dating). *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 17. Moscow: IA RAN, pp. 186–201. (In Russ.)
- Kruglikova I.T.*, 1958. New data on the historical geography of the Crimean Azov littoral. *Sovet Arkheol. [Soviet archaeology]*, XXVIII, pp. 219–233. (In Russ.)
- Kruglikova I.T.*, 1970. Excavation of a settlement near the village of Semyonovka. *Poseleniya i mogil'niki Kerchenskogo poluostrova nachala n.e. [Settlements and cemeteries of the Kerch Peninsula at the beginning of the Common era]*. Moscow: Nauka, pp. 4–81. (In Russ.)
- Kruglikova I.T.*, 1975. Sel'skoye khozyaystvo Bospora [Agriculture of the Bosporus]. Moscow: Nauka. 300 p.
- Kruglikova I.T.*, 1998. Settlement near the village of Novo-Otradnoye. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 143–185. (In Russ.)
- Kuzina N.V., Maslennikov A.A.*, 2011. Antique sanctuary on the hilltop near the settlement of Polyanka. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 15. Moscow: IA RAN, pp. 228–247. (In Russ.)
- Makarov I.A.*, 2017. Epigraphic sites of Scythian Neapolis. *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdru Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. – VII v. n.e.) [Crimean Scythia in the system of cultural ties between Orient and the West (the 3rd century BC – 7th century AD)]*. Simferopol'; Moscow: IP Zuyeva T.V., pp. 56–78. (In Russ.)
- Maslennikov A.A.*, 1981. Naseleniye Bosporskogo gosudarstva v VI–II vv. do n.e. [The population of the Bosporus kingdom in the 6th–2nd centuries BC]. Moscow: Nauka. 126 p.
- Maslennikov A.A.*, 1992. Chersonesus of Zeno – a town on the Maeotis. *Ocherki arkheologii i istorii Bospora [Studies on the archaeology and history of the Bosporus]*. G.A. Koshelenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 120–173. (In Russ.)
- Maslennikov A.A.*, 1995. Polemon I on the Bosporus. *Bosporskiy sbornik [Bosporan collection]*, 6. Moscow: IA RAN, pp. 167–170. (In Russ.)

- Maslennikov A.A., 1998. Ellinskaya khora na krayu Oyumeny (Sel'skaya territoriya evropeyskogo Bospora v antichnyuyu epokhu) [Hellenic chora on the edge of the Ecumene (rural territory of the European Bosphorus in antiquity)]. Moscow: Indrik. 302 p.
- Maslennikov A.A., 2003. Drevniye zemlyanyye pogranično-oboronitel'nyye sooruzheniya Vostochnogo Kryma [Ancient earthen border defensive structures of the Eastern Crimea]. Moscow: Grif. 280 p.
- Maslennikov A.A., 2007. The Crimean area of the Azov littoral in antiquity. *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy [The world of antiquity and barbarians in the south of Russia and Ukraine]*. Moscow; Kiyev; Zaporozh'ye, pp. 18–218. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 2010. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'ye) [The royal chora of the Bosphorus (based on materials from excavations in the Crimean area of the Azov littoral)], 1. Arkhitekturno-stroitel'naya i arkhologicheskaya kharakteristika pamyatnikov [Architectural, constructive and archaeological characteristics of sites]. Moscow: Grif. 244 p. (DB, Suppl. II).
- Maslennikov A.A., 2012. Black-glossed pottery from the settlements of the “royal” chora of the European Bosphorus. *Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'ye)* [The royal chora of the Bosphorus (based on materials from excavations in the Crimean area of the Azov littoral)], 2. Individual'nyye nakhodki i massovyy arkhologicheskiiy material, 2. [Individual and frequent archaeological finds]. A.A. Maslennikov, ed. Moscow: Grif, pp. 165–199. (DB, Suppl. III). (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 2013. On local geomorphology, palaeoseismology and archaeology or in the wake of ancient earthquakes. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]*, 17. Moscow: IA RAN, pp. 232–253. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 2018a. Another tower at the Uzunlar rampart. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]*, 22. Moscow: IA RAN, pp. 141–169. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 2018b. Coin finds from the “towers” in the post-Mithradates Chora of the European Bosphorus. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 250, pp. 327–335. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 2019. “Late” coins from the Polyanka settlement in the Eastern Crimea. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 256, pp. 411–416. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 2020. Chora of Bosphorus in the 3rd–2nd centuries BC. *Ros. Arkheol. [Russian archaeology]*, 1, pp. 76–89. (In Russ.)
- Molev E.A., 2017. Bosporskiye drevnosti (Problemy politicheskoy, sotsial'noy i kul'turnoy istorii antichnogo Bospora [Bosporan antiquities (Issues of political, social and cultural history of the antique Bosphorus)]. Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta. 340 p.
- Nikonov A.A., 2000. Seismic potential of the Crimean region: comparison of regional maps and parameters of identified events. *Fizika Zemli [Physics of the solid Earth]*, 7, pp. 53–62. (In Russ.)
- Nikonov A.A., 2001. On the location and disappearance of the antique towns of Pyrrha and Antissa on the Bosphorus. *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovaniye polisov, obrazovaniye gosudarstva: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan phenomenon: colonization of the region, formation of polices, emergence of the state: Proceedings of the international scientific conference]*. V.Yu. Zuyev, ed. St. Petersburg: Izd-vo GE, pp. 241–246. (In Russ.)
- Ovsiuchenko A.N., Korzhenkov A.M., Maslennikov A.A., Vikarchuk R.N., Lar'kov A.S., Sysolin A.I., 2019. Traces and chronology of strong historical earthquakes on Cape Zyuk, Eastern Crimea. *Fizika Zemli [Physics of the solid Earth]*, 4, pp. 133–152. (In Russ.)
- Rostovtsev M.I., 1914 (1913–1914). Strabo as a source for the history of the Bosphorus. *Sbornik statey v chest' professora V.P. Buzeskula [Collected articles to Professor V.P. Buzeskul]*. Khar'kov: Pechatnoye delo, pp. 366–380. (Sbornik istoriko-filologicheskogo obshchestva pri Khar'kovskom universitete, 21). (In Russ.)
- Rostovtsev M.I., 1925. Skifiya i Bospor [Scythia and the Bosphorus]. Moscow; Leningrad: Tipografiya 1-y Leningradskoy Trudovoy Arteli Pechatnikov. 621 p.
- Saprykin S.Yu., 1997. Natural disasters and phenomena in the ideology of Mithridates Eupator. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]*, 3, pp. 85–92. (In Russ.)
- Saprykin S.Yu., 2002. Bosporskoye tsarstvo na rubezhe er [The Bosporan kingdom at the turn of the eras]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Shelov D.B., 1970. Tanais i Nizhniy Don v III–I vv. do n.e. [Tanaïs and the Lower Don in the 3rd–1st centuries BC]. Moscow: Nauka. 252 p.
- Skrzhinskaya M.V., 2009. Drevnegrecheskiye prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'ye [Ancient Greek celebrations in Hellas and the Northern Pontic]. Kiyev. 364 p.
- Smolin V.F., 1929. On the sources of Strabo for the Bosporan kingdom. *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva istorii, arkheologii i etnografii [Bulletin of the Tauric Society of History, Archaeology and Ethnography]*, III, pp. 65–71. (In Russ.)
- Suprenkov A.A., Stolyarenko P.G., Prokopenko S.N., 2018. Beskrovny (Chokrak) and Akmonay ramparts (the Republic of Crimea, Leninsky District). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 g. [Towns, settlements, cemeteries. Excavations of 2017]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 354–361.

- (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh ekspeditsiy, 25). (In Russ.)
- Suprenkov A.A., 2018. Excavations at the Uzunlar rampart in 2016: chronology and interpretation of the main structures. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 23. Moscow: IA RAN, pp. 230–256. (In Russ.)
- Suprenkov A.A., Trebukhina N.Yu., 2018. Tiritaka and Uzunlar (Akkos) ramparts (The Republic of Crimea). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 g. [Towns, settlements, cemeteries. Excavations of 2017]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 380–387. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh ekspeditsiy, 25). (In Russ.)
- Vinokurov N.I., Korzhenkov A.M., Rodkin M.V., 2015. To the assessment of the seismic hazard of the Kerch Strait area based on archaeoseismologic data. *Voprosy inzhenernoy seysmologii [Problems of engineering seismology]*, vol. 42, no. 2, pp. 51–66. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., 2003. Neapol' skifskiy (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Scythian Neapolis (the 2nd century BC – 3rd century AD)]. Simferopol': Universum. 210 p.
- Zenkovich V.P., 1958. Berega Chernogo i Azovskogo morey [The Black and Azov sea coasts]. Moscow: Geografiz. 364 p.
- Zin'ko V.N., 1994. Salvage archaeological research in the city of Kerch. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu [Archaeological research in the Crimea]*, 1993. Simferopol': Tavriya, pp. 124–129. (In Russ.)
- Zin'ko V.N., Kulikov A.A., 2002. A hoard of copper Bosporan coins of the 3rd century BC from the Crimean area of the Azov littoral. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica]*, IX. Simferopol': Tavriya, pp. 399–428. (In Russ.)